

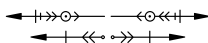
АКВАДОРАТСКИЙ ЦИКЛ

О помнись, Филомена!

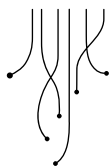
Храните вашу безмятежность

Татьяна
Коростышевская

**ОПОМНИСЬ,
ФИЛОМЕНА!**

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Разработка серийного оформления *О. Заки*

Иллюстрация на переплете *Л. Сова*

Коростышевская, Татьяна Георгиевна.

К68 Опомнись, Филомена! / Татьяна Коростышевская. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-122369-4

Кто только не прячется под карнавальными масками Аквадораты! Древние вампиры, интриганы и заговорщики... Даже его сиятельство дож любит прогуляться под видом простого капитана. Разве может благородная донна Филомена Саламандер-Арденте не отправиться за своей порцией любви и приключений, надев маску, под которой ее точно никто не узнает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коростышевская Т. Г., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122369-4

Глава 1

ВОЙНА МЫШЕЙ И САЛАМАНДР

Самый темный ночной час, когда законопослушные обыватели спят в своих кроватях, а лиходеи в отсутствие первых спят в своих, у порога мрачного дома, что на улице Трех Лун, раздался плеск весла. Гондола с потушенным фонарем приблизилась, и одетая в черное фигура тяжело запрыгнула на каменный парапет. Дверной молоток стукнул раз, другой, скрипнула дверца смотрового окошка.

— Сеют ли в ваших краях семена... — Посетитель чертыхнулся, откашлялся и начал заново: — Сеют ли в ваших краях семена желтого аира, зеленого аниса и синего хумуса?

За окошком молчали. Фигура в черном изогнулась, у края рукава зажегся огонек, осветивший другую руку закутанного в балахон мужчины, к слову, довольно пузатого.

— Простите, брат-шестой. Аир, конечно же, зеленый, анис — желтый, а синий... Е-ли-ледж?!

Шпаргалка была предусмотрительно написана чернилами на ладони посетителя.

— Их засевают в сердцах верных, — недовольно ответил привратник, и дверь распахнулась ровно настолько, чтоб пузан мог в нее протиснуться.

Все тайные общества во всех обитаемых мирах похожи друг на друга, особенно в страсти к полевой терминологии. Еще члены их скрывают свои лица и имена и выбирают для тайных встреч самые темные часы ночей.

Члены конкретно этого общества заседали в подвале и ожидали лишь прибытия своего десятого члена, того самого предусмотрительного толстяка. Под низкими сводами зашелестели приветствия и упреки.

— Я собрал вас нынче, братья, — начал первый, сидящий во главе овального деревянного стола, на котором лежало нечто, накрытое до времени парчовым покрывалом, — потому что час наш близок.

— При всем уважении, — четвертый брат славился своей сварливостью, — в прошлый раз вы говорили то же самое, когда старикан Дендуло отбрасывал копыта в спальне своего дворца, а горожане стонали на площадях, сожалея о кончине «душки дожа».

— И если бы четвертый брат распорядился своим голосом так, как было договорено... — начал язвительно брат-второй.

— И если бы десятый...

— Мы получили бы уже своего карманного правителя!

— Трусость!

— Измена. Каждый хотел чужими руками жар загребать.

— Тишина! — велел первый, и его окрик заставил присутствующих замолчать. — Претензии будете высказывать друг другу в своих гостиных. Изменники покараны, и больше к этой теме мы возвращаться не будем.

Присутствующие осторожно выглянули из-под низких капюшонов, пересчитывая соседей. За столом из «Другого Совета десяти» сейчас сидело только девять человек.

— Как давно? — осторожно пискнул десятый. — То есть хотелось бы знать, когда произошла... гм-м... км-м... экзекуция?

Первый жестом фокусника сдернул парчовое покрывало.

— Это синьор Ко... — начал десятый, глядя на мертвую человеческую голову в центре стола.

— Тишина!

И тишина наступила, испуганная и густая, как патока.

— Надеюсь, следующие выборы пройдут к нашему всеобщему удовольствию.

— Но дож Муэрте молод и полон сил. — Четвертого брата мертвые головы не пугали, он на них без счета насмотрелся. — До следующих выборов доживут лишь самые юные из нас.

— Дож скоро нас покинет. — Брат-первый медленно повел головой, будто осматривая соратников раструбом капюшона.

— Но покушения проваливаются одно за другим! Хитрый мальчишка разбирается в ядах и приставил пробовать свою еду сыновей всех аристократических фамилий города!

— У Муэрте тоже есть слабости.

— Женщины? — фыркнул четвертый. — Мы пытались, но...

— Его пожрет гнев моря.

«Другой Совет десяти» разошелся под утро. Члены его по одному покидали дом в неприметных бесфонарных гондолах.

Синьор Артуро Копальди выбрался из-под стола, когда плеск весла последней гондолы замер в отдалении.

— Шея затекла, — сообщил он брату-первому, уже снявшему капюшон и разливающему по бокалам вино из пузатой бутылки. — Дырку пропилить можно было бы и побольше.

— В следующий раз пили сам. — Главный заговорщик подал бокал. — Хотя в другой раз надо будет изобрести что-нибудь новенькое. Они, конечно, болваны, но не идиоты же.

— Не унижай подданных. — Копальди пил, жмурясь от удовольствия. — Даже светочу разума не пришло бы в голову, что тайное общество злоумышленний против дожа возглавляет сам дож.

Синьор Муэрте скривился:

— Представляешь? И это сам!

— И шапка!

— Проклятая шапка! Она давит на голову!

— О, про настоящее давление тебе много может поведать моя шея.

Они расхохотались, сразу будто сбросив десяток лет, оказавшись молодыми, не разменявшими еще четвертого десятка людьми.

* * *

Королеву делает свита, решила я, изображая всем видом вдохновенный восторг. Маэстро Калявани как раз извлек из инструмента первый пронзительный звук, и я знала, что его цепкие глазенки, полуприкрытые в творческом экстазе, наблюдают за нами. Музыка я вовсе не обожаю, зато знаю, сколь ценно музыканту восхищение слушателей.

«Рыбы вы снулые, — скажет после маэстро, — берите пример с синьорины Саламандер-Арден-те, вот кто умеет чувствовать!» А я покраснею, опущу глаза, ощутив зависть униженных товаров. Синьор Калявани с его волшебной виолой пользовался на материке столь бешеной популярностью и обошелся городской казне в столь кругленькую сумму, что вздорная сварливость музыканта прощалась. Сейчас в классной комнате сидело два десятка дочерей самых аристократических и богатых фамилий Аквадораты, и каждая из синьорин стерпит от старого пенька любую гадость.

Каждая, кроме Филомены Саламандер-Арден-те, то есть кроме меня.

Виола стенала. Я продолжала лениво размышлять. О свите, которая делает королеву. Саламандер-Арден-те не могли похвастаться ни особым богатством, ни родовитостью. По крайней мере здесь, в «Златых водах». Именно так дословно переводится название нашего благословенного рода-государства. Здесь обитают толстосумы не в первом и даже не во втором поколении, и плевать, что предки достойных купцов оставили им состояния, сколоченные пиратством и разбоем.

Папаши-лиходея принято стыдиться, дедушка же, за жизнь свою сгубивший сотни невинных душ и потрошивший трюмы захваченных галеонов, вызывает умиление. Портрет лихого пирата заказывают маститым художникам и вешают на видное место в гостиной. Мой дедушка разводил саламандр. И прадедушка. И так далее, до самой верхушки семейного древа. Разумеется, не обычных, а огненных, иначе, боюсь, сейчас я не сиде-

ла бы в классной комнате «Нобиле-колледже-рагацце», школы для благородных девиц, а выгребала бы саламандровый навоз из саламандровых стоил на материке, ну или что там выгребают. Огненные же саламандры — существа волшебные, прихотливые и востребованные, и да, навоза не производят, извергая наружу пламя.

Классная саламандра лежала сейчас в камине, свернувшись калачиком на тлеющих углях. Крупный метис, так называемый саламандер ординарис. Потратившись на учителя музыки, школе приходилось экономить на всем остальном, уж городской совет об этом позаботился.

Я отвела взгляд от камина и прижала к груди молитвенно сложенные руки. Синьор Калявани как раз выводил сложный пассаж. Одна из его щек так сильно вжималась в лаковый бок виолы, что кожа побелела и сложилась плоеными складками. Сидящая впереди меня Маура да Риальто мелко затрясла плечами, сдерживая смех. Она вообще смешливая, эта пухленькая блондинка с круглыми, будто от вечного удивления, глазами.

Я незаметно дернула завитой белокурый локон, призывая подругу к порядку. Вторая моя «фрейлина» — смуглая синьорина Маламоко, чей столик стоял в другом ряду, у одного из высоких окон, подмигнула мне черным хитрым глазом. Род Маламоко исправно поставлял членов в надзирающий за тайными делами Совет десяти, наверное с момента основания города, так что хитрость Карлы была чертой семейной. Другим ее полезным мне свойством была информированность. Подруг я выбрала тщательно.

Мелодия закончилась оглушительным стаккато. Синьор Калявани отвел смычок и замер, давая звукам впитаться в тишину.

— Bravo! — проартикулировала я губами. — Волшебнo... невероятно...

— Рыбы вы снулые, — сказал маэстро. — Берите пример с синьорины Раффаэле, вот кто умеет чувствовать!

Раффаэле? Кто это, морской кракен ее раздери?

Медленно, очень медленно я обернулась, найдя взглядом фигурку в сером, мышиногo цвета, платье. Новенькая ученица съежилась за своей последней партой, будто пытаясь спрятаться от чужогo внимания. Щеки ее смущенно алели, карие глаза с мольбой воззрились на учителя.

Мышь!

— Дитя мое, — продолжал Калявани, — одна маленькая птичка шепнула мне, что ваше владение инструментом безупречно.

Опустив взгляд, мышь возразила:

— Маэстро Пикколо, мой прежний учитель, слишком добр ко мне.

Калявани протянул вперед инструмент:

— Синьорина Паола, прошу.

Девушка подчинилась. Медленно, будто на плаху, она подошла к маэстро, приняла виолу, тряхнула головой, убирая с плеча тяжелый русский локон.

Я покосилась на Карлу, та пошевелила бровями. Значит, на перерыве я узнаю всю подноготную моей новой неожиданной соперницы. Звание лучшей ученицы «Нобиле-колледже-рагацце» далось мне непросто, и я не собиралась его терять.

Паола Раффаэле резко бросила смычок на струны, подняв в воздух облачко канифоли, и страстная мелодия рыбацкой сетью опутала присутствующих, сжала, лишая способности сопротивления.

Когда музыка стихла, на несколько минут воцарилась ошеломленная тишина, сменившаяся аплодисментами. Я тоже хлопала, вовсе не от восторга. Пусть все видят, что синьорина Саламандер-Арденте — не мелочная завистница.

На овалциях урок закончился, девушки потянулись к выходу из класса.

— Бедняжка Филомена, — протянула Бьянка Сальваторе, расчетливо столкнувшись со мной в дверях, — наверное, трудно смириться с поражением?

— Не сложнее, чем тебе избавиться от веснушек, дорогая, — вздохнула я сочувственно. — Лимонный сок, как я вижу, лишь иссушил твоё личико.

Свита синьорины Сальваторе едва сдерживала смешки. мода аквадоратских дам предписывала им быть светлокожими и рыжеволосыми, поэтому Бьянка проводила долгие полуденные часы в солярии, расправив свои каштановые кудри поверх полей плетеной шляпы. Но солнце беспощадно, оно одарило носик и щеки синьорины коричневыми пятнышками.

Отодвинув Бьянку плечом, я вышла в коридор, не забыв тряхнуть волосами с расчетом, чтоб моя светло-рыжая грива хлестнула обидчицу по лицу.

Уж мне-то лишний раз жариться на солнце не требовалось.

— Аквадоратская львица в гневе? — спросила Карла, нагоняя меня под аркой, спускающейся в сад лестницы. — Сальваторе рыдает на подоконнике.

— Слезы ей к лицу, — фыркнула я, выбирая скамью в тени розовых кустов и усаживаясь на нее. — Где Маура?

— Остановилась поболтать с новенькой, синьориной Паолой. — Карла тоже присела и поставила между нами изящную корзинку с завтраком.

— И каким ветром занесло к нам столь одаренную музыкантшу?

Школьная кухарка происходила из Маламоко и собирала Карле столь объемные перекусы, что уже который год мы делили их на троих.

— Торговый дом Раффаэле. — Карла накрыла кусочек чабаты толстым ломтем мягкого сыра. — Пряности, диковинки, экзотическая древесина из южных колоний.

— Богаты?

— Более чем. Синьорина Паола занимает одну из первых строчек в списке богатых невест. Подозреваю, что...

Поверх сыра расположился строй оливок и веточка зелени. Карла неприлично широко открыла рот и откусила от этой башни изрядную часть.

— Я не ревную.

Пояснения мои перекрывались чавканьем. Уж чем-чем, а приличиями моя подруга не заботилась, по крайней мере наедине. Покушать она любила, что нисколько не вредило ее сухощавой изящной фигуре. Маура, к примеру, клевала, как птичка, ограничивала себя буквально во всем, но

выглядела при этом сдобной булочкой. Я находилась на средней позиции — ростом повыше синьорины да Риальто, но ниже Маламото, пышнее последней.

Мы трое представляли собой, если так можно выразиться, комплект всех возможных женских прелестей. Брюнетка, блондинка, рыжая, с черными, голубыми и аквамариновыми глазами, соответственно. Неявный девичий закон гласил, что в подруги себе следует выбирать дурнушек, чтоб выгодно выделяться на их фоне. Я же выбрала красавиц и не прогадала. Наше трио было столь прелестно, что каждая из нас казалась окружающим еще красивее.

Нам было по шестнадцать, когда мы оказались в «Нобиле-колледже-рагацце», учрежденном прежним дожем для обучения наукам и искусствам дочерей благородных фамилий. На материке образованием женщин не занимались, и Аквадората немало гордилась прогрессивным нововведением.

Я тогда только начинала утрачивать подростковую угловатость и робела в компании более титулованных и нарядных синьорин. Как оказалось, робость в девичьей компании является грехом непростительным. В первый же день меня подстерегли в темном коридоре, ведущем к дортуарам, и вознамерились проучить.

— Безродные крестьяне подобны домашнему скоту, — сообщила мне Бьянка, поигрывая серебряным кинжалом, до этого момента скрытым в изящном веере, — а коров принято клеймить. Сейчас мы исполним этот древний обычай, не будь я маркизетой Сальваторе.

К несчастью последней, маркизет, дочерей маркизов, видимо, не обучали искусству кулачного боя. А у Филомены Саламандер-Арденте было пять старших братьев. Кинжал я храню в резной шкатулке у изголовья вот уже три года. А ножны-веер, по слухам, Бьянка сожгла в камине в ту самую ночь, прижимая к лиловому глазу наполненный льдом коровий пузырь.

Карла подошла ко мне первой и предложила стать соседками по комнате. Третьей с нами оказалась Маура, сотрясаемая рыданиями от разлуки с матушкой.

Так у меня появились подруги. Теперь-то я могу говорить, что сама, дальновидно и расчетливо, выбрала их, но случай и судьба сыграли тут не последнюю роль.

Маура да Риальто происходила из богатейшей аквадоратской фамилии, настолько состоятельной, что маркизета Сальваторе могла лишь скрипеть зубами в бессильной злобе. Карла говорила, что от титула дожа на последних выборах батюшку Мауры отделяло каких-то два голоса.

Итак, мы поселились втроем и на занятиях старались держаться вместе. Я дралась еще дважды, оба раза моими соперницами были науськанные Бьянкой девицы, отрабатывающие наказ без огонька и задора. Но после того, как Карле Маламоко удалось передать послание одному из своих кузенов и получить ответ, нападения прекратились. Информация, которой нас одарили, оказалась столь пикантной, что сомнение синьорины Сальваторе лопнуло мыльным пузырем.

Жизнь в школе скорее можно было назвать выживанием. Мы столкнулись с неравным от-